

Т. С. Борисова, М. М. Плоткин

Обеспечение социальной безопасности детей и молодежи

В статье выявлена и осмыслена сущность, природа и специфика проблемы формирования социально-педагогической безопасности детей и молодежи в контексте Стратегии развития воспитания в Российской Федерации. В рамках гуманистического подхода определены основания социально-педагогического подхода обеспечения формирования социальной безопасности детей и молодежи в процессе образования и социального воспитания; введены в научный оборот и раскрыты новые понятия и термины: «соотношение социальной безопасности и социальной деятельности», «социальная бедность», «экономическая бедность», «социальное благополучие», «эгалитарные тенденции в образовании», «социальное здоровье молодежи».

Ключевые слова: дети, молодежь, воспитание, социальное воспитание, социально-педагогическая безопасность детей и молодежи.

T. S. Borisova, M. M. Plotkin

Ensuring Social Safety of Children and the Youth

The author of the article identified and comprehended the essence, nature and particularity of the problem of the formation of social and educational safety of children and the youth in the context of the Strategy of education development in the Russian Federation. As a part of the humanistic approach, grounds and a socio-pedagogical approach are justified to ensure the formation of the social security of children and the youth in education and social training; new concepts and terms «the ratio of social security and social work», «social poverty», «economic poverty», «social welfare», «egalitarian tendencies in education», «social health of young people» are opened and introduced in the scientific use.

Keywords: children, youth, education, social training, social and educational safety of children and young people.

Формирование социальной безопасности детей и молодежи, как и в целом российских граждан, соотносится с *социальной деятельностью государства*, сферы которого крайне ограничены: минимальные социальные стандарты обеспечивают значительной части населения лишь уровень жизни на грани выживания. На институты обязательного и добровольного страхования, позволяющие минимизировать и компенсировать основные виды социальных рисков (болезни, старость, инвалидность, утрата места работы), в развитых странах затрачивается около 15–20 % ВВП, в России – не более 7 % [1, 18]. Что же касается нашей системы образования, то на сегодняшний день можно констатировать, что ее рейтинг значительно ниже, чем был в советскую эпоху, когда наша система образования признавалась одной из лучших в мире. В этом же контексте отмечаем и то тревожное обстоятельство, что наша учащаяся молодежь пока еще не осознала, что живет в эпоху, когда *именно прочные знания стали высочайшей ценностью*.

В процессе психолого-педагогического обеспечения социальной безопасности детей и молодежи как социальных субъектов, находящихся в определенных социальных обстоятельствах, характере

ризующих их образ жизни, важнейший показатель безопасности детей – социальное благополучие семьи. Последнее представляется нам наиболее существенным моментом при рассмотрении социальной безопасности как феномена, имеющего двойственную природу: личностную и социальную. Такой феномен не существует вне личностного подхода и является атрибутом социальной среды. Именно в этом контексте рассматривается социальное благополучие, которое выступает в качестве интегрального показателя роста материального благополучия и качества жизни. Социальное благополучие – это объективное общественное явление, детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности, в которых люди удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы и социальные ожидания.

В соотношении понятий «социальное благополучие» и «социальная безопасность» неизменно вторгается понятие «социальные риски». Риски в социализации и воспитании – это возможные угрозы благополучию детей и молодежи, дегуманизирующие ход и деформирующие результаты социальной дезадаптации и формирования личности. Сегодня они имеют отношение как к *социальному благополучию* (последнее «зависит» от нали-

чия либо отсутствия рисков в экономической, политической, социальной жизни), так и к *социальной безопасности*, которая прямо либо опосредованно соотносится и с инфляцией, и с соответствующим материальным положением большинства семей, низким прожиточным уровнем и т. д. Исследование Института социальной педагогики показало три ведущие группы рисков: первая группа – проявления различных социальных девиаций (наркомании – 36 %, преступности – 34 %, коррупции – 27 %); вторая группа – угрозы, связанные с проблемой социальной и экономической адаптации (низкий уровень жизни – 28 %, безработица – 27 %, инфляция – 14 %, экономический упадок – 12 %); третья группа – проблемы и кризисные ситуации, которые человеку не дано контролировать (природные и военные катаклизмы – 12 %, аварии и катастрофы на транспорте и производстве – 8 %; межнациональные и межконфессиональные конфликты – 7 %) [16, с. 46].

В свою очередь, образование, воспитание в целом и социальное воспитание в частности, определяют то, какой будет статус человека, а точнее – какой *социальный статус он получит*. Вместе с тем уровень образования (ребенка, подростка, юноши) в значительной степени (если не в определяющей) зависит от *социального статуса семьи*, от тех усилий (материальных, моральных, нравственных), которые предприняты семьей для образования и воспитания ребенка.

Исследование образовательной среды как среды социально-педагогической, социально-психологической безопасности личности, по свидетельству Г. М. Коджаспировой и А. Ю. Коджаспирова, будет таковой, если в ней есть условия для удовлетворения физиологических потребностей (например: соответствующие санитарно-гигиенические нормы; организация режима дня; специальные приспособления для детей-инвалидов и т. д. и т. п.); потребности в безопасности (гарантия защиты каждого ребенка от произвола и насилия); потребности в значимой деятельности, в том числе в творческой деятельности; социальные потребности (в любви, уважении, признании, общественном одобрении); потребности в сохранении и повышении самооценки (имеется в виду такая организация образовательной среды, когда критерий успеха – индивидуальная динамика развития каждого субъекта образовательного процесса) и т. д.

Также в контексте социально-педагогической безопасности личности вышеупомянутыми авторами рассмотрен ряд компонентов образовательной среды: *социальный* (взаимопонимание и удовлетворенность всех субъектов образовательного

процесса существующими взаимоотношениями; преобладающее позитивное настроение субъектов образовательного процесса; авторитетность руководителей; участие всех субъектов в управлении образовательным процессом и др.); *пространственно-предметный* (организация пространственно-предметной структуры образовательной среды; управляемости такой среды; предметы, необходимые для профессионального, эстетического развития и т. д.); *психодидактический компонент* (оптимальная организация системы связей между всеми элементами образовательной среды; такая система должна обеспечить комплекс возможностей для личностного саморазвития всех субъектов образовательного процесса) [5, с. 9–15].

К сожалению, не все потребности могут быть реализованы, не все компоненты образовательной среды «работают» на безопасность личности в образовательном процессе. Пожалуй, одна из причин этого – рост разочарования среди значительной части молодых, апатии и, как следствие, уход в криминальный либо полукриминальный мир, который среди них позиционируется как своего рода альтернатива законного пути достижения и реализации тех потребностей, желаний, способностей, которые составляют основу законопослушного бытия, социального жизнеустройства.

В школах, по выражению Ш. А. Амонашвили, преобладает авторитарно-императивная педагогика. Суть последней – не доверие к воспитаннику, а стремление педагога к постоянному контролю, надзору, подчинению; не взаимодействие с учеником, воспитанником, а стремление сделать так и только так, как говорит педагог, продиктовать ученику все «от А до Я» – знания, убеждения, нормы поведения. Авторитарно-императивная педагогика – это педагогика принуждения, без чего, якобы, невозможно осуществлять образование. Ей противостоит другая педагогика – педагогика сотрудничества, автором, модератором которой был О. С. Газман: если ребенок растет в атмосфере терпимости, он учится принимать других. Если ребенка подбадривают, он учится быть благодарным. Если ребенок растет в честности, он учится быть справедливым. Если ребенок растет в безопасности, он учится верить в людей. Ребенок должен жить и развиваться в пространстве любви. Нам представляется, что альфа и омега Стратегии развития воспитания в Российской Федерации именно в этом.

Важнейшей составляющей социальной безопасности детей и молодежи в современном мире является их психологическая безопасность. Как остаться человеком в бесчеловечную эпоху? Можно ли сохранить свое достоинство в мире, где

конформизм и бегство от свободы становятся нормами поведения, сулящими социальный успех? Что ждет молодое поколение, сегодняшних подростков и юношей: гражданское общество или же новый виток варварства и неоархаики?

Все эти вопросы и проблемы, а также и множество других аналогичных вызывают у подрастающего поколения чувство психологического неблагополучия. Поиск ответов, по сути, есть поиск содержания и форм психологической безопасности.

К сожалению, на сегодняшний день общее состояние молодежной страты остается очень тревожным. По количеству самоубийств не только среди населения в целом, но и среди молодежи в возрасте до 17 лет наша страна в 3 раза опережает США, занимая второе место в Европе (по числу самоубийств среди молодежи – после Казахстана) [8, с. 37–58]. Наблюдаются и такие тревожные тенденции, как снижение за последние 10 лет возраста совершивших самоубийство. 12 % подростков употребляют наркотики; около 40 тысяч детей школьного возраста вообще не посещают школу; детское и подростковое «социальное дно» охватывает не менее 4 млн человек; темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности; в современной России насчитывается около 50 тысяч несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х гг. [3].

Исследования показывают, что сейчас молодежь ведет себя более свободно и раскованно, нежели в советские времена, однако эти свобода и раскованность часто перерастают в развязанность и разнузданность [17, с. 46–62]. Симптоматично и то, что мат стал «рабочим дискурсом» у значительной части населения, в том числе и у представителей различных органов власти. Сие, однако, не удивительно, если вслушаться в жаргон, употребляемый согражданами (по данным социологических опросов, более половины наших сограждан систематически используют блатной жаргон, к которому, кстати, регулярно прибегают представители власти – классический пример: «...мочить в сортире»!) [12, с. 38–50]. «Особенно удручает, – пишет социальный психолог А. В. Юревич, – студенчество, интеллектуальная и культурная деградация которого более чем очевидны и, по-видимому, неизбежны в условиях общей атмосферы нашего общества» [9, с. 33]. В этом же ряду и такой «феномен» социальных отношений в обществе, как отношение современной российской молодежи к старшему поколению: более 50 % респондентов констатируют негативное отношение [4]. В современном российском

обществе «интолерантность в отношении старости проявляется в нетерпимости к лицам пожилого возраста со стороны молодого поколения и общества в целом» [12, с. 138].

Эйджизм (англ. ageism от age – ‘возраст’) – политический термин, обозначающий дискриминацию младшего или старшего поколения, мотивированную скрытым либо явным предположением, что молодые не способны судить о каких-либо вещах, а старые – немощны [7, с. 414].

Среди факторов, определяющих состояние психического благополучия либо неблагополучия молодежи, выступает близкое окружение ребенка, подростка, юноши. Г. Хржановски пишет, что в раннем детстве наличие враждебности со стороны близких «приводит к формированию поведения, нацеленного на самоуничтожение, причем у человека развивается крайне выраженная потребность в безопасности ...» [13, с. 363]. К. Хорни, о которой пишет Хржановски, полагает, что развитие ребенка находится под влиянием социальных условий. «Из-за холодности и враждебности его семейного окружения он не чувствует себя в безопасности, и у него возникает тревожность, чувство глобальной беды... Чтобы избежать этого чувства тревоги, формируется внутренняя убежденность в том, какой должна быть защита от внешних опасностей...» [13, с. 364].

Различные исследования показывают, что особое место в изучении состояния безопасности отводится, как мы могли заметить выше, социальным факторам. При этом основанием для развития у ребенка чувства безопасности считается благоприятная семейная среда – участие в его воспитании, прежде всего, матери. Более того, уровень социально-педагогической безопасности детей во многом определяется степенью взаимодействия между ребенком и окружающими его взрослыми – родителями, другими значимыми взрослыми, учителями в школе, преподавателями в вузе и т. д. При этом для взрослого – родителя, педагога – важны личная жизнь ребенка, его экзистенциальные характеристики: человеческая сущность, феномен его бытия, предельные состояния его сознания и чувств. Доминирующими ценностями в процессе взаимодействия выступают ценности принятия ребенка, ценности его личности, его психологическое здоровье. Педагог не управляет, не манипулирует, а фасилитирует – стремится простимулировать деятельность воспитанника¹. Общая характеристика психологического взаимодействия – субъект-субъектная или «диалогическая», где общение концентрируется на процессе, а не на результате. Педагог, как впрочем и родитель, внимателен и терпелив к проявлениям инди-

видуальности воспитанников, создает атмосферу и условия для свободного самовыражения ребенком себя, своей личности. Педагог учит его самоконтролю и самооценке, дозирует помощь, оказывает ее только там, где необходимо (Н. И. Лифинцева).

Эффективность психологического взаимодействия возможна только тогда, когда педагог уважает и принимает права ребенка, сопереживает ему, способен постигать внутренний мир ребенка, осторожно относиться к оценкам и оценочным суждениям, эмпатически понимать воспитанника.

Проведенные исследования (например, Е. Л. Башманова) позволили вычленивать некую совокупность угроз благополучию детей, подростков, юношей и девушек; угроз, дегуманизирующих и деформирующих результаты воспитания:

- дезинтеграция ученических, молодежных коллективов;
- нарушение целостности педагогического процесса;
- неготовность педагогов работать в условиях социальной стратификации;
- появление интолерантности, зависти и буллинга (от англ. *bully* – ‘задирать’, ‘запугивать’) в молодежной среде;
- формирование боязни роста и мотивации избегания неудач;
- ухудшение отношений детей, молодежи из разных социальных слоев;
- укрепление неспособности детей, подростков, юношей и девушек из нижнего социального слоя к рациональному выбору, жизненному самоопределению;
- гипертрофия индивидуалистических и прагматических ориентаций.

В этом же ряду – определенные противоречия разнонаправленных факторов, обостряющих угрозы благополучию детей и молодежи:

- между включенностью субъектов социально-педагогического процесса в социальную структуру и отсутствием обоснования социальных проблем воспитания в условиях усилившейся стратификации;
- между необходимостью осваивать новые ценности и отсутствием представлений о путях и средствах их формирования в условиях значительного социального расслоения в молодежной среде;
- между различными условиями в обучении и воспитании детей, подростков, юношей, девушек из различных социальных слоев;

– между возрастанием значимости сплочения, солидарности и возрастающей дезинтеграцией молодежных сообществ;

– между тем, что видят и слышат молодые в массовых официальных СМИ, и реальной действительностью;

– между необходимостью формирования у школьной и студенческой молодежи духовно-нравственных и социально значимых устремлений и возможностями значительной части педагогов, находящихся в состоянии социального аутсайдерства.

Важнейшей составляющей беспрепятственного функционирования системы «человек – социальная среда» является нравственная составляющая, позволяющая совмещать различные характеристики этой системы – информационные, собственно социальные, психологические и др. Сегодня уже совершенно очевидно, что решить проблемы безопасности в социальной сфере только организационно-техническими мерами не представляется возможным. В основе социальных опасностей, как свидетельствует опыт, часто лежат причины нравственно-психологического характера: несовместимость людей в процессе деятельности и общения, низкий уровень культуры, недостатки в воспитании, агрессивность, нонтолерантность. Между тем нравственная совместимость, удовлетворенность от работы с другими людьми, нравственный климат в коллективе – залог успешной работы, а в случае чрезвычайной ситуации – средство «выдти» из нее без ощутимых потерь. С этих позиций мы рассматриваем нравственность как императив социальной безопасности детей и молодежи, формирования личности молодого человека.

Высокая нравственность – это, по-сути, синоним личной сопричастности человека ко всему, что происходит в стране. Раздерганное во многих отношениях общество (погоня за прибылью, кризис семьи, стремление к личному обогащению, неуверенность в завтрашнем дне и, как следствие, создание комфортной жизни любой ценой) становится причиной нравственного разрушения сознания людей, формирования некоей бездуховной ситуации. Очевидно, что в такой обстановке во сто крат возрастают угрозы социальных рисков.

Закрепление в общественном сознании гуманистических, нравственных идеалов позволит разрешить ряд сложнейших проблем социальной безопасности. В этом, в частности, суть и смысл нравственного менталитета, а процесс его развития ведет к росту и вызреванию гуманно-нравственных начал у широкой общественности. Философия нравственного гуманизма необычайно

остро ставит именно сегодня проблему безопасности в России. Она тесно связана с решением гуманитарной задачи нравственного развития российского общества. Процесс осознания ребенком, подростком моральной основы поведения и отношений длителен и требует такого педагогического подхода, в котором приоритетным будет формирование и развитие самооценки, выполняющей регулятивную функцию в жизнедеятельности развивающейся личности. Самооценка не только влияет на характер отношений растущего человека с окружающим социумом, но и стимулирует его нравственный выбор в различных, в том числе сложных, опасных жизненных ситуациях.

Таким образом, проведенное исследование позволяет определить основные условия (возможно, направления), обеспечивающие формирование социальной безопасности детей и молодежи в контексте Стратегии развития воспитания в Российской Федерации.

Воспитание социальной устойчивости личности

Наличие социальной устойчивости позволяет ребенку успешно адаптироваться в современной социокультурной среде, реализовывая свои потребности, возможности, способности, вступая во взаимоотношения с другими людьми, сверстниками, социальными микрогруппами. Социальная устойчивость выступает, с одной стороны, как определенная общественная позиция, проявляющаяся в виде отношений к другим людям, коллективу, продуктам деятельности и общения, окружающей среде, себе самому, с другой стороны – как качество, определяющее способность к саморегуляции поведения, состояний активности в зависимости от решаемых задач, целей, сохранять и реализовывать в различных условиях личностную позицию, гибкость в усвоении новых отношений, принципов, способность к изменению, совершенствованию и обладать иммунитетом к негативным воздействиям.

Формирование социально ответственных межличностных отношений. Общение как фактор социально-педагогической безопасности молодежи

Именно у молодых людей 15–23 лет наблюдается значительный рост контактов, а наиболее интенсивный период общения приходится на возраст 23–30 лет. Естественным для развития молодежи является некое отстранение от родительской семьи и начало активного общения в социуме. Присоединившись к группе, молодой человек обретает определенную степень безопасности, окружающие теперь имеют представление о том, как его

воспринимать, потому что на него распространяются общегрупповые признаки. Мотивы, побуждающие молодых людей примкнуть к той или иной группе, к тому или иному молодежному направлению, различны. Для одних они связаны с желанием обрести взаимопонимание и взаимоподдержку, для других – это способ почувствовать себя более сильными и защищенными. К сожалению, есть и те, кому важно почувствовать власть над другими. Некоторые группы активно противопоставляют себя миру взрослых. Особо отметим, что субкультуры играют как конструктивную, так и деструктивную роль в процессе социализации молодежи. Конструктивность заключается в возможности определенных субкультур организовать обмен информацией, передачу опыта, навыков, эмоциональную поддержку, что важно для перспективного роста, поиска работы, повышения уровня квалификации.

Рассматривая безопасность молодой личности как *состояние полного физического, духовного и социального благополучия*, подчеркнем, что это состояние защищенности в значительной степени определяется учетом фактора межличностного общения молодых людей со сверстниками. В. И. Слободчиков в качестве механизма обретения субъективности определяет изменение форм взаимодействия развивающегося человека с миром и социальным окружением. Формами такого взаимодействия являются *со-бытие* (со-бытие – бытие вместе, отождествление человека с социальным окружением) и *само-бытность* (само-бытность – обособление человека от социального окружения, переживание своей личности). Гармоничный характер взаимодействий и взаимоотношений, удовлетворенность межличностными отношениями, чувство защищенности – важнейшие показатели социально-психологической безопасности детей и молодежи.

Внедрение в воспитательный процесс современных, востребованных молодежью технологий

Молодежь сегодня живет в информационном пространстве, и специалистам, работающим с молодежью, необходимо учитывать особенности и ценности этого поколения, используя как традиционные, так и инновационные действенные формы работы, направленные, с одной стороны, на привлечение внимания общества к актуальным социальным проблемам, с другой – на активизацию потенциала молодежи. У молодежи набирают популярность квест-технологии и такая форма социальной работы с населением, как флешмоб, которую используют социальные институты (биб-

лиотеки, школы, музеи, общественные организации). Например, флешмоб «Знание – суперсила!» был направлен на поддержку Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг. и привлечение внимания общественности к направлениям развития российского образования. Флешмобы являются одним из путей развития пропаганды здорового образа жизни среди молодежи, так как своей нестандартностью привлекают внимание к проблемам сохранения здоровья, являются одним из путей формирования интереса к чтению (патриотический флешмоб «Читай во имя мира!»). Популярность акций для молодежи можно объяснить тем, что участие анонимное, бесплатное, деятельность воспринимается как игра, мероприятия организуются через интернет-сайты или социальные сети.

Значительным педагогическим потенциалом в развитии личностных ресурсов обладают квест-технологии, которые способствуют формированию личной ответственности, уважения к культурным традициям, истории; формированию культуры межличностных отношений.

Наконец, отметим, что *через технологии* (посредством технологий), которым присущи общие принципы и особенности, возможно внедрение нравственного императива социальной безопасности личности в практику воспитания:

– *Технология осмысления нравственного опыта* подростков, юношей и мотивация их деятельности и поведения (вербальный метод становится здесь основным средством воздействия) – формирование сознания подростка и юноши через размышления, переживания, рефлексии – осознание и осмысление собственных знаний, поступков, выяснение того, как другие знают и понимают его личные особенности, эмоциональные реакции и когнитивные представления; осмысление жизненного опыта, мотивация поступков, развитие экзистенциальной сферы (рефлексия смысла жизни, феномена бытия, ситуации морального выбора, столкновения различных точек зрения, взглядов для понимания жизненных явлений и др.). Экзистенциальный взгляд на природу и сущность растущего человека предполагает, прежде всего, уважение к нему и его субъективным переживаниям, пристрастиям, увлечению, к его способности совершать позитивные поступки, делать в каждой чрезвычайной ситуации конструктивный осознанный выбор; при этом – акцентирование свободы выбора, ценности личностной ответственности, независимости.

– *Технология эмоционального стимулирования действий и отношений в процессе деятель-*

ности и общения: формирование побуждений деятельности, определенных мотиваций; педагогическая помощь и поддержка воспитаннику в поиске нового содержания и форм деятельности; осознании ценности собственной личности (эмоциональное стимулирование, создание ситуации успеха, поощрение нравственной рефлексии); в этом отношении в педагогике и психологии давно известно, что неуспех отрицательно сказывается на развитии личности, ее эмоциональном состоянии. Возможности самореализации в этом случае весьма ограничены. Все это, естественно, не может не осложнять отношения человека с социумом, вносит определенный диссонанс в его реакции на чрезвычайные природные и социальные угрозы. Отсюда – необходимость в воспитательном процессе создавать такие ситуации, в которых успех будет гарантирован, а для этого возможно использование таких элементов ситуации успеха, как «снятие страха», «усиление мотивации», «педагогическое внушение», «высокая оценка конкретного действия» и др. Ситуация успеха мобилизует ребенка, заставляет проявлять свои лучшие качества в условиях социальных и природных рисков.

– *Технология накопления нравственного опыта и самоопределения:* формирование субъектной позиции, положительных черт характера, нравственных качеств и опыта; формирование такого уровня поведения, где требуется самостоятельное принятие решения и нравственный выбор (метод поручений, тренинговые упражнения – *интroversирующие*, которые выполняются без участия партнеров: объект внимания – внутренний мир ребенка, подростка, юноши, и *экстрaversирующие*, предполагающие партнерские взаимодействия); пропаганда книги, тесты по самопознанию, самоанкетирование. Содержательный аспект тренинга предполагает соответствие заданий возможностям ребенка.

В указанных технологиях выделяют три составляющие: содержательную, собственно технологическую (приемы, методы, средства, техники и др.) и личностную. Последняя связана с субъектами процесса (ребенком, подростком, юношей), их ценностными ориентациями, индивидуальными особенностями поведения, общения, деятельности. Центральной фигурой при этом является ребенок как субъект, как личность, способная к свободному творческому саморазвитию, самоактуализации. Позиция взрослого, социального педагога, социального работника, учителя в этом отношении – это позиция помощи, педагогической поддержки, партнерства, то есть субъект-субъектная позиция. Наконец, здесь очень важно

дать ребенку осознать важность принятия переживаний другого человека, научить ставить себя на его место, находить аргументы в защиту того, кто допустил этическую, нравственную ошибку. Это поможет ему лучше познать и перестроить собственное восприятие мира, черты своего характера и поведения.

Учет в социально-педагогической деятельности факторов социальной устойчивости

Основные факторы, влияющие на социальное благополучие человека, на социальную устойчивость и стабильность общества, Ж. М. Омарханова и Р. М. Мусин объединили в 4 группы: институциональные, организационно-экономические, социально-политические и социально-психологические.

Первая группа факторов, связанная с институтами, учреждениями социальной сферы, с их нормальным функционированием, с окружающей средой, определяет условия жизнедеятельности и среды обитания человека.

Вторая группа – организационно-экономические факторы. Она включает те из них, которые непосредственно влияют на благосостояние человека, на условия его труда и отдыха, на воспроизводство рабочей силы.

К третьей группе факторов отнесено все то, что связано с реализацией совокупности социальных прав, гарантируемых человеку современным демократическим, светским, правовым, социальным государством, законодательно закрепленных в Конституции страны и реализуемых через народное правительство.

В четвертую группу включены такие характеристики, как настроение личности, ее удовлетворенность жизненными условиями, психологический климат в семье, коллективе, обществе, а также осознание каждым гражданином, обществом и государством своей социальной ответственности за обеспечение устойчивости и стабильности, мира и согласия в обществе.

Безусловно, все группы факторов взаимосвязаны. Так, социальное благополучие зависит от того, как функционируют предприятия, учреждения сферы услуг (здравоохранение, образование, коммунальное хозяйство), от доступности услуг для населения и т. д. [10].

Приведенные в 2015–2016 гг. исследования, анализ научной литературы, обобщение социально-педагогической практики позволило определить научную новизну осуществляемого проекта:

– выявлены и осмыслены сущность, природа и специфика проблемы формирования социально-педагогической безопасности детей и моло-

дежи в контексте Стратегии развития воспитания в Российской Федерации;

– в рамках гуманистического подхода определены основания социально-педагогического обеспечения формирования социальной безопасности детей и молодежи в процессе образования и социального воспитания;

– введены в научный оборот и раскрыты новые понятия и термины: «соотношение социальной безопасности и социальной деятельности», «социальная бедность», «экономическая бедность», «социальное благополучие», «эгалитарные тенденции в образовании», «социальное здоровье молодежи»;

– определены условия (направления), обеспечивающие формирование социальной безопасности детей и молодежи.

Библиографический список

1. Аргументы и факты [Текст]. – 2009. – № 15. – С. 8.
2. Доклад о развитии человека, 2010 г. Реальное богатство народов: пути развития человека [Текст]. – М.: Весь мир, 2010.
3. Доклад о развитии человека, 2009 [Текст] // Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2009. – 795 с.
4. Ежемесячный бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу [Текст]. – 2009. – 09 (141).
5. Коджаспирова, Г. М., Коджаспиров, А. Ю. Безопасность образовательной среды детских учреждений: психолого-педагогический аспект [Текст]: учебное пособие / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М.: Экон-Информ, 2009. – С. 386.
6. Климов, И. О хамстве и хамах [Текст] / И. Климов // Социальная реальность. – 2006. – № 7–8. – С. 77.
7. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов [Текст] / Н. Г. Комлев. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – С. 414.
8. Мягков, А. Ю., Ерофеев, С. В. Самоубийства в Ивановской области: анализ временных трендов [Текст] / А. Ю. Мягков, С. В. Ерофеев // Социологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 37–58.
9. Нравственная деградация как угроза национальной безопасности [Текст] / отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – С. 33.
10. Омарханова, Ж. М., Мусин, Р. М. Социальная устойчивость: проблемы, исследования и анализа [Текст]: материалы международной конференции / Ж. М. Омарханова, Р. М. Мусин // Социосфера. – 2016. – С. 27–35.
11. Петрова, Т. А. Межпоколенное взаимодействие как способ преодоления эйджизма среди молодежи [Текст] / Т. А. Петрова // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологи-

ческие и педагогические аспекты. – Тверь, 2008. – С. 138.

12. Преснякова, Л. Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы [Текст] / Л. Преснякова // Социальная реальность. – 2006. – № 1. – С. 38–50.

13. Психоаналитические теории Карен Хорни, Гарри Стека Салливена и Эриха Фромма [Текст] // Энциклопедия глубинной психологии. Т. III. Последователи Фрейда. – М.: Когито-Центр-МГМ, 2002. – С. 363.

14. Рубцов А. Эмиграция в историю [Текст] / А. Рубцов // Новая газета. – 2016. – 18.91.

15. Сироткин, Л. Ю. Формирование личности: проблема устойчивости [Текст] / Л. Ю. Сироткин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1992. – С. 32.

16. Социальная педагогика: инновационные идеи в теории, практике, образовании: сборник научных статей [Текст] / под ред. В. Г. Бочаровой, М. П. Гурьяновой. – М.: Изд-во ИСП РАО, 2011. – С. 46.

17. Фень, Е. Образ студента: обстоятельства времени [Текст] / Е. Фень // Социальная реальность. – 2007. – № 5. – С. 46–62.

18. Якунин, В. И., Роик, В. Д., Сулакшин, С. С. Социальное измерение государственной экономической политики. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования [Текст] / В. И. Якунин, В. Д. Роик, С. С. Сулакшин. – М.: ЗАО Экономика, 2007. – С. 208.

19. Янковский, Р. Г. Глобальные изменения и социология безопасности [Текст] / Р. Г. Янковский. – М.: Академия, 1999. – 375 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Argumenty i fakty [Текст]. – 2009. – № 15. – С. 8.

2. Doklad o razvitií cheloveka, 2010 g. Real'noe bogatstvo narodov: puti razvitiya cheloveka [Текст]. – М.: Ves' mir, 2010.

3. Doklad o razvitií cheloveka, 2009 [Текст] // Rossijskiy statisticheskiy ezhegodnik. – М.: Rosstat, 2009. – 795 s.

4. Ezhemesjachnyj bjulleten' sociologicheskikh soobshhenij po g. Voronezhu [Текст]. – 2009. – 09 (141).

5. Kodzhaspirova, G. M., Kodzhaspirov, A. Ju. Bezopasnost' obrazovatel'noj sredy detskih uchrezhdenij: psihologo-pedagogicheskij aspekt [Текст]: uchebnoe posobie / G. M. Kodzhaspirova, A. Ju. Kodzhaspirov. – М.: Jekon-Info, 2009. – С. 386.

6. Klimov, I. O hamstve i hamah [Текст] / I. Klimov // Social'naja real'nost'. – 2006. – № 7–8. – С. 77.

7. Komlev, N. G. Slovar' inostrannyh slov [Текст] / N. G. Komlev. – М.: Jeksmo-Press, 2001. – С. 414.

8. Mjagkov, A. Ju., Erofeev, S. V. Samoubijstva v Ivanovskoj oblasti: analiz vremennyh trendov [Текст] / A. Ju. Mjagkov, S. V. Erofeev // Sociologicheskij zhurnal. – 2007. – № 2. – С. 37–58.

9. Nравstvennaja degradacija kak ugroza nacional'noj bezopasnosti [Текст] / отв. ред. А. Л. Zhuravlev, N. V. Tarabrina. – М.: Institut psihologii RAN, 2012. – С. 33.

10. Omarhanova, Zh. M., Musin, R. M. Social'naja ustojchivost': problemy, issledovaniya i analiza [Текст]: materialy mezhdunarodnoj konferencii / Zh. M. Omarhanova, R. M. Musin // Sociosfera. – 2016. – С. 27–35.

11. Petrova, T. A. Mezhpokolennoe vzaimodejstvie kak sposob preodolenija jejdzhizma sredi molodezhi [Текст] / T. A. Petrova // Social'nye riski v sovremennom polikul'turnom obshhestve: Psihologicheskie i pedagogicheskie aspekty. – Tver', 2008. – С. 138.

12. Presnjakova, L. Skromnoe obajanie kriminala protiv tshhetnyh usilij tjur'my [Текст] / L. Presnjakova // Social'naja real'nost'. – 2006. – № 1. – С. 38–50.

13. Psihoanaliticheskie teorii Karen Horni, Garri Steka Sallivena i Jeriha Fromma [Текст] // Jenciklopedija glubinnoj psihologii. Т. III. Posledovateli Frejda. – М.: Kogito-Centr-MGM, 2002. – С. 363.

14. Rubcov A. Jemigracija v istoriju [Текст] / A. Rubcov // Novaja gazeta. – 2016. – 18.91.

15. Sirotkin, L. Ju. Formirovanie lichnosti: problema ustojchivosti [Текст] / L. Ju. Sirotkin. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1992. – С. 32.

16. Social'naja pedagogika: innovacionnye idei v teorii, praktike, obrazovanii: sbornik nauchnyh statej [Текст] / pod red. V. G. Bocharovoj, M. P. Gur'janovoj. – М.: Izd-vo ISP RAO, 2011. – С. 46.

17. Fen', E. Образ студента: обстоjatel'stva vremeni [Текст] / E. Fen' // Social'naja real'nost'. – 2007. – № 5. – С. 46–62.

18. Jakunin, V. I., Roik, V. D., Sulakshin, S. S. Social'noe izmerenie gosudarstvennoj jekonomicheskoy politiki. Centr problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlencheskogo proektirovanija [Текст] / V. I. Jakunin, V. D. Roik, S. S. Sulakshin. – М.: ЗАО Jekonomika, 2007. – С. 208.

19. Jankovskij, R. G. Global'nye izmeneniya i sociologija bezopasnosti [Текст] / R. G. Jankovskij. – М.: Akademija, 1999. – 375 s.

¹ Фасилитатор (фасилитация) (от англ. facilitate – 'облегчать') – человек, который делает что-то возможным; развивающий у человека способность самому справиться с личными сложными ситуациями или стрессом. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – С. 372.